

У КИВИЦЕЦКОГО ЦАРЬКА

Ой, какой ветер сегодня!
Он высвистывает свою несмолкаемую песню, подметая землю перед первым зимним снегом. Он грохочет в высоких горах. Он рвет на куски черные тучи и, сталкивая их друг с другом, гонит прочь с неба.

Над всеми просторами России пронесется этот ветер. Он проносится и над Бородинским полем, где еще не убраны трупы солдат, павших в страшном бою двадцать шестого августа. Он подгоняет солдат Наполеона, которые, и без того торопливо отступая, бегут по заснеженным смоленским дорогам.

Гудит ветер и тут, на Украине, над просторами Полтавщины.

Робкий месяц, пробиваясь сквозь тучи, по временам выхватывает из мрака кусок голого поля либо деревцо на меже, припавшее к земле под порывами бури. И тогда кажется, что лунный свет, обычно такой теплый и ласковый летом, напуган ветром и поэтому мерцает так неярко и холодно.

Нет никому спасенья на земле от этого ветра. Любую щель он обдаёт своим дыханием. Прячутся в норках суслики. Птицы поглубже зарываются в гнезда. Спешат к жилью чумаки, которых непогода застигла среди полей в эту вечернюю пору. Сидят по хатам крестьяне, крепко подперев колом двери.

И только одинокая бричка среди опустевших просторов торопится куда-то вперед.

Ветер рвет полость, прикрывавшую ноги седока. Возница на облучке совсем согнулся, съежился и не шевелится, словно боясь растерять последнее тепло, какое еще сохранилось в его коченеющем теле. Лишь изредка, когда кони замедляют бег, возница взмахивает кнутом, приговаривая: «Ай, чтоб вам пропасть!» И тогда седок, отставной капитан Иван Петрович, слегка усмехается. Он не теряет чувства юмора и, услышав возглас извозчика, думает: «Это кого же он имеет в виду?»

Нет, Ивану Петровичу тоже холодно, но он не ропщет на судьбу, которая понудила его в такую непогоду тащиться бог знает куда. Вообще-то говоря, Иван Петрович любит путешествовать, любит побыть в одиночестве со своими мыслями, любит помечтать. Но одиночество он любит точно в такой же мере, как и большое шумное общество. Иными словами, Иван Петрович любит все на свете, где есть малейшее проявление живой жизни. И вот даже сейчас, когда на сердце у него так беспокойно, даже сейчас его душа всеми своими могучими струнами звенит и рокошет как бы в ответ на величавую и страшную музыку осенней бури.

Ой, какой ветер сегодня!

Именно в такую бурю, а не в ясный, погожий день, можно еще глубже ощутить все страшное зло, какое несут миру враждебные силы.

Вокруг — барабанная дробь дождя и как бы тяжелый топот ног отступающего врага. Чудятся звонкие выстрелы и визгливый посвист пуль, удивительно похожий на свист ветра.

Не впервые Иван Петрович принимает участие в военных событиях. Побывал он и на Дунае, участвовал в Молдавском походе, присоединял буджацких татар к подданству России.

Однако о войне у него свои особые мысли. Войну он видит, так сказать, в кровавых ризах: раны, смерть и увечье несут шлейф зловещей мантии. Да разве Иван Петрович зверь или разбойник, чтобы убивать людей и проливать чужую кровь? Будь его воля — он разъяснил бы людям, что такое война, разъяснил бы тем, кто на этот счет романтически грезит.

Но, конечно, сейчас иное дело. Враг вторгся на родную землю и добирается до сердца отчины. Враг осквернил Кремлевские древние святыни и теперь разоряет родной край. Ну можно ли при этом оставаться спокойным, можно ли сидеть в Полтаве сложа руки? Нет, надо немедленно принять участие в общем победоносном подвиге!

Полтавские поля! Это они не так давно видели иных завоевателей — шведов. Тут кругом высятся могильные насыпи над трупами пришельцев! На веки вечные эти насыпи останутся страшной памяткой среди мирных полей и лугов!

Иван Петрович посмотрел вокруг себя и вслух продекламировал по-украински:

Козаченьки з москалями
Потішались над врагами.
Добре бились за Полтаву
Всій Росії в вічну славу!

Извозчик не без удивления оглянулся на седока, но потом, взмахнув кнутом, погнал лошадей еще пуще.

У Ивана Петровича за обшлагом его капитанского мундира лежит лист бумаги, сложенный и запечатанный пятью печатями. Этот пакет сегодня же необходимо вручить по назначению. А завтра чуть свет Иван Петрович возьмется за дело. Вот уже целый месяц он не знает ни минуты покоя. И только уверенность, что и его малые усилия помогут общему делу, только эта уверенность позволяет Ивану Петровичу спокойно глядеть людям в глаза. Вот почему нынче душа его так звенит и рокочет в тон этой чертовой буре и ветру.

Черные, горячие глаза капитана ярко блестят из-под капюшона его плаща. Эти глаза нетерпеливо следят за дорогой. Ах, как медленно бегут кони! Куда как быстрее летит нетерпеливый взор!словно крошечная букашка, ползет бричка по обширной полтавской земле.

Да, неплохо было бы сейчас завернуть в первое же село, зайти в корчму, заказать там поросенка с хреном, чарку анисовой. И при этом поболтать с чумаками, послушать их рассказы про Крым и Новороссию. А то и попеть с ними тоскливых чумацких песен. После чего,

завернувшись в плащ, сладко выспаться на пахучем сене.

Но нет! В эти дни — и минуты лишней нельзя отдыхать. Враг отступает, и тут нужно напрячь все силы, чтобы захватчики лавиной покатались бы к черту в бездну! Тут и часу нельзя задерживаться! Покойный Александр Васильевич Суворов именно так и сказал: «Промедление — смерти подобно!»

Быстрее, быстрее бегите, кони!

Но вот бричка свернула с ровного пути, и дорога теперь пошла под гору. Кони невольно ускорили бег и весело повлекли за собой бричку. И тут вдруг послышались негромкие звуки роговой музыки. Стало быть, теперь уже совсем близко село Кибинцы.

Тщательно вытирая свои мокрые усы, Иван Петрович сказал извозчику:

— Молодец, Никита!

Впереди замаячил большой барский дом, окруженный флигельками. Этот дом стал вдруг подпрыгивать перед глазами капитана — от тряски по неровной дороге.

Теперь осенняя ночь показалась капитану чудесной. Впрочем, буря и в самом деле утихла. Луна, освободившись от туч, спокойно сияла с высоты. Своим неярким светом она осветила итальянский сад на склоне горы, статуи нагих античных богов и закругленный портик на берегу пруда, подернутого молоком тумана.

В темном царстве этих анемичных теней свет в окнах главного здания казался блеском чистого золота.

Из панского дома в сад рвались звуки рогового оркестра. Звуки эти были похожи на грозное рычанье льва, желающего, чтобы все вокруг трепетало.

За прудом — темные и поникшие крестьянские хатки. Они совсем ушли в землю и, казалось, заснули.

Бричка остановилась возле белых высоких колонн панского дома. Капитан, разминая затекшие ноги, покинул сиденье.

— Молодчага, Никита! — снова сказал он извозчику и, поправив на боку саблю, поднялся по гранитным ступеням.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной научной
библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66